

№ 283 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 64) [3]. В последней строке на пятом месте вовсе не гарантирована буква *в* — это может быть и *п*: в этой грамоте буквы довольно узкие, а вертикальные штрихи иногда имеют в верхней части легкий наклон вправо (ср., например, ствол буквы *ц* в *уцини* или левую мачту буквы *п* в *купи*). Это дает чтение *[ic]me[n]ku* ‘изобку, пристройку’, которое правдоподобнее, чем предложенные ранее *[ic]tevku* (с буквой *в* по ошибке вместо *б*) и *[ʔc]tevku* (со странным смыслом).

№ 285 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.) [Г]. Фрагмент ...*витеисте*... в четвертой строке трактован в указателе ДНД как содержащий форму В. ед. *исте[p](ю)*. Можно добавить, что глагольная словоформа, заканчивавшаяся на ...*вите*, практически наверняка была *исправите* или *выправите*. Тот же глагол заполняет собой и лауну в грамоте № 510: *Како жь еста торговала, тако жь (исправите) [ис]тьрю мою : з : соть*. Очевидно, что и в грамоте № 285 фраза имела ту же структуру: *(испра)вите исте(рю мою)* (столько-то гривен) *(се)ребра*).

№ 286 (10-е – 60-е гг. XIV в.; Г 56) [Г]. Частичный пересмотр ситуативного контекста грамоты и ее коммуникативной организации предложен в статье (Гиппиус, Схакен 2011). Как показано в этой работе, традиционное понимание письма Григория включает в себе содержательный парадокс. В тексте письма можно условно выделить два компонента, заключающих в себе информацию (1) о Григории и (2) о Дмитре.

О себе Григорий сообщает, что:

- (1а) с ним и его окружением все в порядке;
- (1б) его послали «на Каяно море», то есть на север Карелии, к Ботническому заливу;
- (1в) что он может не пойти «к Ное» или «к Носу» (в зависимости от выбора конъектуры);
- (1г) «дома» все хорошо.

О Дмитре мы узнаем, что:

- (2а) он собирает дань где-то на «старой меже князя Юрия»;
- (2б) он должен подобающим образом действовать на севере Карелии, чтобы не навредить «каянцам» и не снискать себе дурной славы;
- (2в) если Дмитр уже собрал порученную ему дань, то мог бы собрать и за Григория;
- (2г) если Григорий не пойдет «к Ное», туда должен отправиться Дмитр;
- (2д) Дмитр должен, чем сможет, помогать Григорию и пересылать ему вести.

Как явствует из всего контекста письма, Григорий и Дмитр в обозримом будущем будут действовать на разных территориях: просьбы автора письма к адресату связаны именно с этим. При этом из (1б) мы знаем, что Григорий будет находиться на «Каяне море». Что же касается Дмитра, то о его местопребывании грамота сообщает нам противоречивые сведения. С одной стороны, как следует из (2в), Дмитр должен находиться там, где до этого собирал дань сам Григорий, чтобы собрать дань за него. В то же время из (2б) следует, что Дмитр и сам будет собирать дань на Каяне море и, следовательно, находиться там же, куда направляется Григорий. В этом и заключается упомянутый выше коммуникативный парадокс: по всему выходит, что Григорий и Дмитр в ближайшее время не должны встретиться; между тем они не могут не встретиться там, где будут оба собирать дань, — на «Каяне море».

Не погружаясь в детали этой парадоксальной ситуации, скажем сразу, в чем, на наш взгляд, заключается выход из положения. Все становится на свои места, как только мы допустим, что слова *А (не) помѣшаі, не испакости калянецамо, ни соби присловиа возми* адресованы не Дмитру, но имеют в виду самого Григория и его предстоящую деятельность на севере Карелии. Разгадка заключается в том, что формы повелительного наклонения употреблены в этой фразе не в прямом значении — как инструкция, обращенная к адресату речи, — но транспозитивно, как формы так называемого «долженствовательного наклонения» — экспрессивного средства привлечь внимание к несправедливой ситуации, в которую поставлен сам автор (см. Шведова 1974: 107; Фортейн 2008: 121). Такое экспрессивное употребление императива широко распространено в современном русском языке (*Все ушли, а ты сиди и работай! А тут не знай ни зим ни лет сиди рисуй пла-*

каты!). В древнерусскую эпоху едва ли не единственным известным примером оставалась до последнего времени фраза из берестяной грамоты № 370 (челобитной Юрию Онцифоровичу), в которой крестьяне выражают свое негодование тираном-ключником: *а лежи ни ѿ ного не ѿжде да!* ‘А сиди и не смей от него отъехать!’ (ДНД₂: 589; см. там же комментарий А. А. Зализняка: «Очень интересна фраза *а лежи* [...] — собственным народному языку использованием императивов для передачи (с неодобрением) чужого требования»). Та же неодобрительная интонация более чем естественна и в устах Григория, выражающего таким образом свое отношение к распоряжению отправиться для сбора дани «на Каяно море» (вероятно, бывшее для новгородца аналогом южной «Тмутаракани» и наводившее тоску уже одним своим названием). Переводить фразу мы предлагаем следующим образом: ‘А меня послали к карелам на Каяно море. И поди не помешай, не напакости каянцам и себе не заплучи худой славы!’

Предложенная поправка позволяет следующим образом понять ситуацию грамоты, избежав указанных выше трудностей. Привычной для Григория и Дмитра территорией сбора дани была южная Карелия, где локализуется большинство топонимов, упоминаемых в записях Григория. Там же, неподалеку от «старой межи князя Юрия» в ее южной части, находился в момент написания письма Дмитр. После заключения мира со шведами Григорий получил неожиданное и обременительное для него назначение на Каяно море. Проезжая через места, в которых собирает дань Дмитр, он пишет тому письмо, в котором, во-первых, сообщает, что после заключения мира Дмитр может спокойно совершать свои «обходы», и, во-вторых, просит Дмитра взять на себя часть его даннических обязательств в южной Карелии, или даже все, если тот узнает, что Григорий не пошел к Ное (которая, судя по грамоте № 278, находилась в тех же краях). Он также просит Дмитра переправлять ему вести, что естественно, учитывая, что Дмитр будет всё время находиться ближе к Новгороду, чем посланный далее на север Григорий.

Тот факт, что письмо, которое Григорий написал Дмитру в южную Карелию, было найдено в Новгороде, не может свидетельствовать против предлагаемой трактовки: заметный процент находимых в Новгороде берестяных грамот составляют письма, заведомо отправленные из города за его пределы. Как бы ни объяснялся этот весьма примечательный факт, он с несомненностью показывает, что берестяные письма могли после выполнения ими своей коммуникативной задачи «возвращаться» по месту жительства автора.

№ 286 [3]. См. также ниже, при № 745, замечание Е. А. Хелимского.

№ 291 (посл. треть XIII в.; В 41) [Г]. Публикация в ДНД не отразила фрагмента *нашь* в начале первой строки. Исправленный текст: (...) | *нашь* ----- (на)|ша зьмла и вода| (...). Поскольку формула *земля и вода* не предполагает никаких дополнительных компонентов, являясь самодостаточным обозначением территориальных владений, следует полагать, что структура фразы могла быть примерно следующей: ‘Это все наше исстари, наша земля и вода’.

№ 299 (30-е – сер. 40-х гг. XV в.; Д 39) [ГЗ]. В начале первой строки береста испещрена множеством рытвин и мелких трещин, которые чрезвычайно затрудняют выявление следов писала. В издании буквы перед хорошо читаемым словом *гриска* были переданы как *а ѿ*, в ДНД₂ — как неясная буква и *ѿ*. Но это *ѿ* читается ненадежно и в прориси совсем не похоже на другие *ѿ* в грамоте. Учитывая, что все остальные позиции в списке оформлены предлогом *оу*, чтение *ѿ гриска* нельзя признать достоверным. Обращение к новой фотографии это подтвердило: оно позволило выявить начальную букву *а* (т. е. подтвердилось чтение издателей), а за ним лигатурное *оу* совершенно такой же формы, как в *оу шила* или *оу лагаца*. Прочие элементы сетки естественных и искусственных линий к тексту грамоты не имеют отношения.

Таким образом, грамота начинается словами *а оу гриска*. Тем самым она входит в узкий круг документов, начинающихся с союза *а*. Он состоит в основном из коротких записок Якима, который любил такое начало, и включает также грамоту № 79 (*а вода! Михалеви*) и надпись на цере (*а азъ тиоунѣ данѣ же оуалѣ*).